

МЫ — СОВЕТСКИЕ!

К.Н. Бальский

СОВЕТСКИЕ МАНЬЯКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 343(091)(47+57)
ББК 67.5+63.3(2)6
Б21

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Дизайн обложки Александр Воробьев

Бальский К.Н.
Б21 Советские маньяки/ К.Н. Бальский —
Москва: Издательство АСТ, 2025. —320 с. —
(Мы — советские!).

ISBN 978-5-17-176228-5

Если вдруг вы не знали, в Советском Союзе маньяков не было. О чем же тогда книга, которую вы держите в руках?

Пожалуй, мы не будем раскрывать этот секрет и оставим читателю право самостоятельно погружаться в страшный мир насильников и убийц, узнать мотивы их преступлений, а также выяснить, как работала доблестная советская милиция.

УДК 343(091)(47+57)
ББК 67.5+63.3(2)6

ISBN 978-5-17-176228-5

© К.Н. Бальский, 2025
© ООО Издательство АСТ,
2025

Введение

В уголовном кодексе Советского Союза термина «серийный убийца» не было. Нет его до сих пор и в УК Российской Федерации, а за рубежом он стал использоваться примерно с 1970-х годов (считается, что его ввел в обиход профайлер Роберт Ресслер). Ранее эти преступления называли по-разному: убийствами по схеме, убийствами ради развлечения, множественными, на сексуальной почве, беспричинными... И в Советском Союзе, и в Российской Федерации под серийными убийствами понимались и понимаются убийства, состав преступления по которым указан в ч. 2 ст. 105 УК РФ (пункт «а» — убийство двух и более лиц), хотя данный квалифицирующий признак явно не охватывает всей совокупности особенностей серийного убийства.

Усилиями голливудской пропаганды в сознании многих людей укрепилась мысль, что серийный убийца — это некий аристократ среди убийц, убийца-интеллектуал. Мысль эта заведомо ложная. Специалисты по «серийникам» — криминологи, профайлеры, психиатры, следователи — от-

мечают, что в реальности внутренний мир таких преступников чрезвычайно убог. Это больные, несчастные люди с несложившимися судьбами, которые не умеют и зачастую не хотят контролировать свои патологические склонности. Их чудовищные поступки не только уносят жизни людей, причиняют страдания их близким, но и калечат судьбы родственников самого маньяка.

Подавляющее большинство «серийников» не может похвалиться, как принято сейчас выражаться, «успешностью». В их жизни нет места «личному счастью». Даже мимикрируя, маскируясь под нормальность, они остаются изгоями общества — например, убийцы Ершов и Кашинцев были бомжами; Головкин никогда не имел нормальных отношений ни с одной женщиной; Чикатило страдал импотенцией.

Их убежища, «стационары», где они пытаются и насилуют несчастных жертв, у нормального человека могут вызвать лишь ужас и омерзение: это грязные, залитые запекшейся кровью подвалы, пропахшие мертвечиной. А откровения маньяков о своих «удовольствиях» вызывают тошноту даже у видавших виды следователей.

Так почему же родилась легенда о некой особой интеллектуальности маньяков?

Криминологи делят серийных убийц на организованных и дезорганизованных — их большинство.

У дезорганизованных убийц низкий интеллект, а маска нормальности отсутствует. Они

плохо ладят с соседями и с противоположным полом, неопрятны, грубы. Часто у них диагностируют психические заболевания. До начала серии убийств они обычно уже попадают в места лишения свободы за другие преступления, среди них много «опущенных», то есть тех, кого в тюрьме изнасиловали.

Убивают они спонтанно. Жертв не пытаются, но наносят им множество ран, грызут, кусают, пожирают их плоть.

Но есть очень незначительная часть убийц, которые внешне выглядят как совершенно обычные, нормальные люди. Свои преступления они тщательно планируют, а улики подчищают, поэтому их называют «организованными маньяками». Часто такие убийцы стараются много путешествовать, чтобы не убивать поблизости от своего дома и тем самым снизить риск поимки. При этом организованные маньяки могут быть крайне жестокими: они не просто убивают, а пытаются своих жертв, не испытывая при этом ни капли жалости.

Даже после задержания организованные серийники стойко ведут себя на допросах, не поддаются на провокации, ответы их продуманы, а потому доказать их вину бывает крайне сложно. В тюрьме они выглядят примерными заключенными и убедительно изображают исправление и раскаяние, но верить им не стоит.

Так зачем же эти умные люди, способные к творческому самовыражению, убивают?

Давайте рассмотрим, чем отличается маньяк от убийцы-рецидивиста.

Нормальный человек с некоторым трудом, но все же может понять, что можно убить из мести — лютого врага, причинившего тебе много бед. Но зачем убивать совсем незнакомого человека, тем более ребенка?

Можно понять, что некоторые убивают ради грабежа. Да, безусловно, осудить этот поступок — но понять: жертва не хотела отдавать кошелек, вот ее и «грохнули». Но зачем убивать, если пресловутый «кошелек» никакого интереса не представляет? Получается, что убийство становится самоцелью — и это уже в голове не укладывается.

Действительно, для маньяка убийство — это то же самое, что наркотик для наркомана. Если маньяк лишается возможности убивать, он испытывает мучения, напоминающие ломку у наркомана. Поэтому многие психиатры рассматривают состояние этих субъектов (язык не поворачивается назвать их людьми) именно как болезнь, ненормальность, неполноценность. Пусть даже они изворотливы и хитры.

Наука против убийц

Ловить убийц — и серийных, и рецидивистов, да и грабителей тоже — помогает наука. В первую очередь это такие прикладные дисциплины, как криминалистика, криминология и судебная психиатрия.

В учебниках по криминалистике объясняется, какие следственные действия нужно провести на месте преступления, что делать с уликами, как опрашивать свидетелей. Потребовались столетия, чтобы выработать все эти методики.

Эту очень важную науку не нужно путать с криминологией, изучающей сами преступления. Криминология очень близка к девиантной социологии и включает некоторые черты психологии. Она занимается преступностью вообще, а изучение маньяков — один из ее разделов.

Есть еще и судебная психиатрия: специалисты-профайлеры, образно говоря, пытаются заглянуть к злодею в голову и понять, почему совершено преступление.

Ответить на этот вопрос зачастую очень сложно. Криминологи и психиатры различают понятия «мотив» и «мотивировка». Мотивировка — это то, чем сам преступник объясняет свои поступки. Например, бросила невеста — стал мстить всем женщинам, убивая их. А вот мотив — это то, что на самом деле движет преступником, это тайна, скрытая в глубинах его уродливой души. Вычислить истинный мотив бывает очень сложно, но нужно — чтобы впоследствии понимать образ действий других серийников и ловить их как можно быстрее. Не бывает преступлений без мотива, но бывают преступления немотивированные, то есть без мотивировки, необъяснимые для нормального, доброго человека.

Традиционной считается классификация, согласно которой серийников делят на властолюбцев, которые стремятся самоутвердиться путем убийств; гедонистов, убивающих ради сексуального удовлетворения; психотиков — то есть откровенно больных людей, страдающих различными формами психических расстройств; визионеров, играющих с трупами несчастных жертв словно с куклами; миссионеров, считающими себя вправе решать, кому жить, а кому умереть; и меркантильных — то есть убивающих ради мизерной наживы. Есть еще и каннибалы, совершающие преступления с целью употребить тело жертвы в пищу.

Увы, классификация эта несовершенна: убийцей могут двигать сразу несколько мотивов либо один глубинный мотив, который проявляет себя по-разному. Поэтому предлагаются и другие способы классифицировать серийников. Так, ведущий российский криминолог Юрий Миранович Антонян делит убийц на тех, что действуют по сексуальным мотивам, — их большинство; и тех, кто асексуален. Другие российские криминологи выделяют три основные группы мотивов: самоутверждение, замещение, самооправдание.

Самым распространенным считается самоутверждение, то есть стремление человека к достижению определенного социального статуса. Будучи неспособным завоевать уважение окружающих или хотя бы самоуважение законным путем, убийца встает на путь преступления. Изнасиловав и убив жертву, он сам себе кажется

значимой личностью, наделенной огромной силой. Об этом на допросах твердили многие убийцы — и Головкин, и Чикатило...

Что касается мотива замещения, то он проявляется в тех случаях, когда основная цель для преступника недостижима по каким-либо причинам и убийца заменяет ее другими, суррогатными, целями — более доступными. Ненавидя кого-то, например, свою уже покойную мать, убийца карает других женщин, чем-то на нее похожих. Так поступал Филиппенко, возненавидевший бросившую его супругу. Анатолий Нагиев мечтал убить Аллу Пугачеву, но так как до нее самой добраться не мог, то насиловал и убивал внешне похожих на нее женщин.

Мотивы самооправдания видны в тех случаях, когда маньяк представляет себя жертвой репрессий, вероломства и бесчеловечности других людей. Так, маньяк Михасевич признавался: «Женщины меня часто обижали, и я с детства копил на них обиду, к мужчинам никакой злобы, даже если они меня тоже обижали, а вот женщин я не считаю за людей. Они и только они виноваты во всех неполадках в моей жизни». Потом Михасевич обратился к представителям закона: «Для вас (убийства) это незаконно, а для меня законно, так как многие люди делают на свете подобные вещи, я не хочу рассказывать вам все, что я думаю, так как вы будете смеяться, я достиг своей цели, я их убивал и тем самым снимал со своей души тяжесть».

Советская криминалистика

Эта книга посвящена не просто серийным убийцам, а тем из них, кто действовал в советское или близкое к этому периоду время. Срок довольно долгий: Советский Союз существовал с 1922 по 1991 год. За семьдесят лет успело смениться несколько поколений, менялось мировоззрение людей, развивалось следственное дело. И, конечно, все это отразилось на том, как ловили преступников. Если в первые годы существования СССР мало кто из следователей мог похвастаться высоким образовательным и профессиональным уровнем, если в 1960-е годы еще шла дискуссия о том, возможны ли в стране победившего социализма серийные убийства, то в 1980-е советские психиатры уже продвигали свои методики их выявления.

Конечно, в молодом советском государстве следственное дело формировалось не на пустом месте: основы заложили еще в царское время. Первое в России пособие, содержащее общие правила и тактические приемы расследования преступлений, «Зерцало правосудия», вышло еще в 1805 году. Там было названо несколько направлений изобличения виновного: «от лица» потерпевшего, «от причины», «от дела» — то есть от самого происшествия, «от места», «от способа», «от орудий», «от времени». Ну а за сто с лишним лет криминалистика получила достаточное развитие: журналы «Право», «Вестник полиции», «Жур-

нал министерства юстиции», «Юридическая летопись», «Журнал гражданского и уголовного права», а также «Юридическая газета» и «Судебная газета» публиковали статьи иностранных и отечественных криминалистов, что весьма способствовало распространению криминалистических знаний среди юристов-практиков.

А вот революция все это отменила! Ведущие отечественные криминалисты — В.И. Лебедев, С.Н. Трегубов, Б.Л. Бразоль — оказались в эмиграции, многие научно-судебные кабинеты были разграблены, а органы полиции, суда и прокуратуры ликвидированы.

Коренным образом изменились правовая и методологическая основы криминалистики, поскольку уголовное и уголовно-процессуальное законодательство были пересмотрены.

И хотя некоторые царские следователи продолжали работать и при новой власти, например Сергей Михайлович Потапов, в целом советским криминалистам пришлось накапливать новый опыт. Первую попытку определить предмет и содержание советской криминалистики предпринял в 1921 году Герберт Юлианович Манс, рассматривавший криминалистику как прикладную дисциплину, которая «изучает способы совершения преступлений, быт уголовного элемента, приемы расследования преступлений и идентификации преступников». В 1937 году Манс был репрессирован и расстрелян.

Но он был не одинок. Много сделал для развития отечественной криминалистики и Иван Николаевич Якимов, издавший в 1924 году «Практическое руководство к расследованию преступлений», а четыре года спустя — книгу «Искусство допроса».

В 1935—1936 годах вышел в свет первый советский учебник по криминалистике, в котором имелись разделы по уголовной технике и тактике, а также методике расследования преступлений. В 1938—1939 годах его переиздали с некоторыми исправлениями и дополнениями. Следует отметить, что этот учебник содержал и учение о профессиональном преступнике, его привычках, суевериях и жаргоне, а также другие данные, которые позднее были отнесены к предмету криминологии.

Советская криминология

Основоположником советской криминологии считается Михаил Николаевич Гернет. Свою деятельность ученый начал еще в царское время. По окончании юридического факультета Московского университета за сочинение «О влиянии юного возраста на уголовную ответственность» он получил золотую медаль, а спустя несколько лет Гернет уже был приват-доцентом. По его предложению был создан музей уголовного права. Он вел первый в русском университете кри-

минологический семинар. Объясняя причины возникновения преступности вообще, Гернет на первое место ставил социальный фактор. С этим трудно поспорить: часто именно нужда толкает людей на преступления. Сочувствуя несчастным, преступившим закон из-за крайней бедности, Гернет боролся против смертной казни.

Его взгляды — особенно то, что он связывал причины преступности с природой капиталистического строя, с бедственными условиями жизни рабочих в царской России, — были позитивно восприняты советской властью. Это вполне отвечало существовавшей в те годы идеологической установке: преступность порождается исключительно негативными социальными условиями, а в совершенном социуме преступников нет.

Действительно, после революции многим казалось, что вот еще немного — и жизнь станет прекрасной и справедливой, а люди перевоспитаются и перестанут красть и убивать. Так думали даже ученые мужи — правовед Михаил Михайлович Исаев, специалист в области уголовного права, профессор Николай Николаевич Полянский, их коллега Аарон Наумович Трайнин и многие другие.

Ну а Гернет так и вовсе утверждал, что единственной причиной любой преступности является социально-экономический строй. К сожалению, жизненные реалии противоречили его теоретическим выкладкам: несмотря на то, что советский народ усердно строил социализм, преступ-